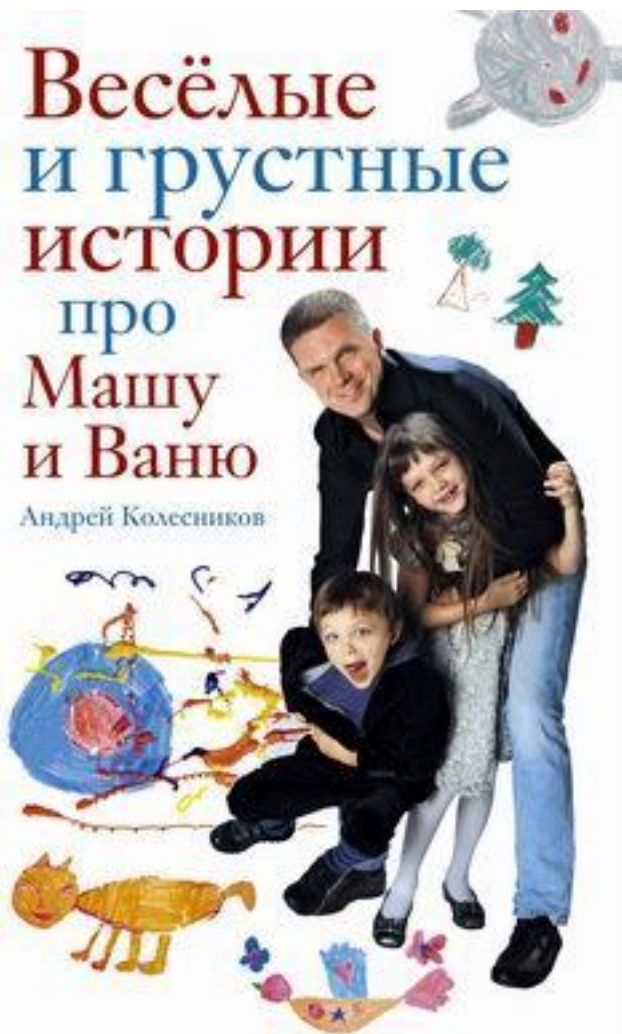

Весёлые и грустные истории про Машу и Ваню

Андрей Колесников

Андрей Иванович Колесников

Веселые и грустные истории про Машу и Ваню

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=282982

Веселье и грустные истории про Машу и Ваню: Коммерсантъ; М'; 2009

ISBN 978-5-699-35667-6

Аннотация

Книга Андрея Колесникова «Веселые и грустные истории про Машу и Ваню» – это современная версия «От двух до пяти» Корнея Чуковского. Дети автора Маша и Ваня взрослеют на глазах. Взрослеют вместе с отцом. Побеждают (чаще) и проигрывают (иногда), делают открытия, удивляются, радуются и грустят. И вместе с ними – хотя порой вдали от них – побеждает и проигрывает, делает открытия, удивляется, радуется и грустит Андрей Колесников, журналист, литератор, отец. Отец троих детей. Ведь старший, Никита, тоже вместе с ними, хотя и далеко от них. Этот удивительный любовный роман продолжается вот уже шесть лет. Этим детям есть что сказать, и они разговаривают с Андреем – а значит, и с нами – на равных. Поэтому эта книга пригодится и родителям, которые видят своих детей реже, чем хотят, но чаще, чем могут, и детям, которым никогда не будет достаточно своих родителей.

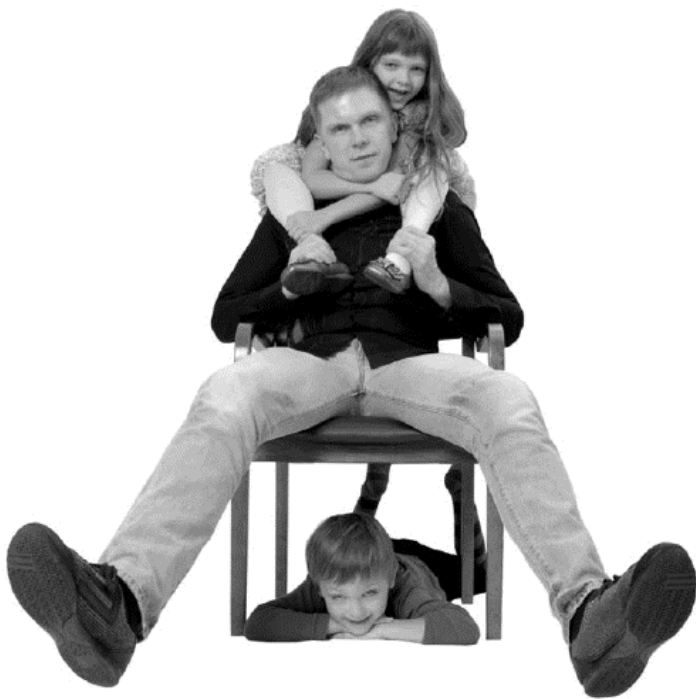
Содержание

Предисловие	5
2004. Неужели это моя дочь?!	11
«Шикарный, шикарный лак!»	14
«А трусы?!»	17
«Папа, снимай брюки!»	21
«Я какать хочу!»	25
«Пропала Россия!»	29
«Боишься, что ли?»	33
«Ты мой муж»	36
«Где мой чупа-чупс?!»	40
«Там столько мужчин – и все незнакомые!»	44
«И скрипка упала уже...»	48
«Без лифчика плавать нельзя – утонешь!»	52
«Принцесса Аврора не сделала бы этого!»	56
«Разве не с кем поболтать на небе?»	60
«Это не смешно»	64
«Плевать нам на этого мента»	68
«Ты что, заболел?»	72
«Меня лес уморил»	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Андрей Колесников
Веселые и грустные
истории про Машу и Ваню

Предисловие

Чтобы вам был понятен масштаб явления: «Веселые и грустные истории про Машу и Ваню» Андрея Колесникова продолжает «От двух до пяти» Корнея Чуковского, да-да, того самого, автора главных детских хитов двадцатого века

– «Мойдодыра», «Мухи-Цокотухи», «Айболита», «Котауси и Мауси», «Краденого солнца»... можете продолжить сами. Я давно знал, что инициатива Чуковского неизбежно получит продолжение. И вот теперь такое продолжение есть, буквально и бесповоротно.

Я напомню вам, о чем книга Чуковского, и вы сразу же поймете, о чем пишет Колесников.

Просто приведу отрывок из вступления Чуковского к изданию «От двух до пяти» выпуска 1965 года: «Вокруг меня, ни на миг не смолкая, слышалась звонкая детская речь. На первых порах она просто забавляла меня, но мало-помалу я пришел к убеждению, что, прекрасная сама по себе, она имеет высокую научную ценность, так как, исследуя ее, мы тем самым вскрываем причудливые закономерности детского мышления, детской психики. С тех пор прошло лет сорок – даже больше. В течение всего этого долгого срока я ни разу не расставался с детьми: сначала мне представилась возможность наблюдать духовное развитие своих собственных малолетних детей, а потом – своих внуков и – многочисленных правнуков... Широкие читательские массы отнеслись к моей книге с горячим сочувствием. Достаточно сказать, что в одном только 1958 году книга вышла в двух разных издательствах в количестве 400 000 экземпляров и в течение нескольких дней разошлась вся без остатка: так жадно стремятся советские люди изучить и осмыслить все еще мало изученную психику своих Игорей, Володей, Наташ и Светлан. Это нала-

гает на меня большую ответственность. Поэтому для каждого нового издания книги я перечитываю снова и снова весь текст, всякий раз исправляя и дополняя его».

Собственно, можно больше ничего не добавлять, Андрей Колесников пишет о детях, прежде всего о взаимоотношениях со своим сыном, дочерью и уже совсем взрослым сыном от первого брака.

Структура нашей книги также проста и понятна – по главам. И обратите внимание на последнюю фразу Корнея Чуковского насчет «каждого нового издания книги».

Да, перед вами новое издание книги Андрея Колесникова, дополненное и переработанное, первое – «Отцеводство» – вышло в 2007 году. Потому что наши люди, как и полвека назад, продолжают все так же жадно «изучать и осмысливать все еще мало изученную психику своих детей».

Причем книга эта нужна не только взрослым, в чем я совершенно уверен, но и детям. В последнем я убедился на собственных детях, десяти и семи лет, которые переругались вдрызг за право первого чтения предыдущего издания «Отцеводство». Теперь во время какого-нибудь обеденного разговора случается, что мои дети для иллюстрации своей мысли ссылаются на высказывания или поведение Маши и Вани в соответствующей ситуации. Для моих детей Маша и Ваня – это уже как Винни Пух или Муми-тролль, герои их внутреннего понятийного мира. (Кстати, это правильный показатель художественности произведения.) Они меня даже попроси-

ли сводить их в цирк, в котором они, конечно, не раз бывали, но им захотелось прочувствовать на входе в цирк фразу, произнесенную Машей, – «Я в цирке».

Почему? Им просто нравится повествование, которое, как зеркало, в котором они узнают себя. Это, знаете, как начинает плакать младенец в салоне летящего самолета, если через ряд от него заплакал другой младенец. За компанию.

При чтении этого удивительного любовного романа продолжительностью вот уже шесть лет сопереживаешь его героям так сильно, как если бы речь шла о собственных детях. Это значит, что книга Колесникова честная и правдивая.

Наконец, при чтении историй про Машу и Ваню как-то очень хорошо представляешь себе, что радость родительской любви замешана на жертвенности и трудах. По-другому – будет фальшь.

Могу только пожелать моему коллеге и любящему отцу Андрею Колесникову продолжения. Потому что отцовскую полноту чувств начинаешь чувствовать лишь с третьего ребенка (в чем Андрей мог убедиться), а на пятом понимаешь, что ощущение счастья настолько огромно и всеохватывающе, что это влияет уже не только на взгляды, отношение к жизни и прочее (этот процесс начинается с первого ребенка), но и меняется уже состав крови, ты окончательно и бесповоротно превращаешься (на физиологическом уровне! – поверьте, знаю по опыту) в иного человека (чтобы было понятно какого, можно употребить слово «блаженный»), а за-

тем смотришь на шестого ребенка и не понимаешь, как ты мог раньше не дать жизнь этой удивительной дочери, которая в девять месяцев уже кокетничает, причем только с родным отцом.

Отмечу принципиальное обстоятельство, которое, возможно, придает дополнительный вес моей оценке. Я сам многодетный отец, у меня шестеро детей – пять девочек и один сын: Анна (22 года), Анастасия (20 лет), Вера (11 лет), Мария (7 лет), Кирилл (3 года) и София (1 год). Не скрою, у двух старших дочерей другая мама. Но для меня-то это ничего не меняет, степень моего родства с моими детьми от этого никак не страдает.

Теперь о практических советах и навыках, которые можно извлечь из этой книги. Разумеется, это то немногое, что стоит отметить прежде всего.

Совет 1: никогда не врите детям, никогда не вводите их в заблуждение, потому что они вам верят абсолютно и безо всякой задней мысли.

Совет 2: уделяйте своим детям как можно больше времени, причем не в каких-то воспитательных целях, а просто будьте с ними, физически, материально, гуляйте вместе, смейтесь, плачьте, ругайтесь, сопереживайте им, живите с ними не по паспорту, а в реальности; нет ничего драгоценнее этих часов времяпровождения с детьми, ничто и никогда не может с этим сравниться!

Совет 3: дети – не личная собственность, они, конечно,

ваши, но научитесь видеть и уважать в них личность, самоценную и уникальную.

Совет 4: дети – это смысл и оправдание вашего существования на земле.

Совет 5: будьте честны перед собой в отношениях с детьми.

Совет 6: не увлекайтесь подарками и развлечениями – порой это выглядит как взятка детям, а настоящая жертва – это ваша любовь к ним, не за что-то, а просто так.

Совет 7: жалеите своих детей, им труднее, чем вам.

Владислав Дорофеев, журналист, литератор и отец шестерых детей

2004. Неужели это моя дочь?!

Маше сейчас уже восемь лет. И это не предел. Я перечи-

тываю эти самые первые рассказы про нее, и у меня замирает сердце. Это она или не она? Неужели это моя дочь?! И все это было с нами?

Ей будет легче. У нее не будет такой проблемы, потому что она себя не помнит в этом возрасте. Она поверит мне на слово – просто потому, что у нее не будет выхода.

Таким образом, эти истории, как только я дописываю каждую из них, становятся каноническими. И попробуй ты изменить их, Маша. Из этих песен не выкинешь ни одной запятой.

Но это все-таки она: обожает брючки и кофточки, фотографируется с пыльным слоном, водит меня в ресторан, ищет себе няню и мечтает о море, которое было в ее жизни только тогда, когда ее мама была ею беременна.

И в 2004 году в этих главах нет – почти нет – Вани. Я читаю и не понимаю сначала, где он, и только потом соображаю: да ему же еще только год, он же даже не разговаривает.

И мне все-таки обидно, что его тут нет. Мне его не хватает. Не хватает, так же как сейчас в жизни, когда я вижу их отчаянно редко. Я хочу хотя бы читать про него. Но тут, в 2004-м, – только Маша.

Впрочем, и ее не покажется мало.

«Шикарный, шикарный лак!»

Я пошел с трехлетней Машей в магазин. Так случилось. В конце концов, в этом нет ничего необычного.

Мы зашли в довольно большой зал. Я осмотрелся. Но моя дочь осмотрелась еще быстрее и сказала:

– Папа! Купи мне, значит, эти брючки, кофточку, маечку...

Она торопилась перечислить все названия, хоть как-нибудь связанные с одеждой. Я оборвал ее на полуслове.

– Маша, подожди! Секундочку! Мы сейчас все сделаем по-другому. Идем, на все смотрим и ничего не покупаем. Даже руками не трогаем. Потом поворачиваем обратно...

Маша казалась чрезвычайно заинтересованной моим рассказом.

– А почему? – спросила она.

– Потому что там конец магазина. Некуда идти.

– А-а...

Она кивнула, давая понять, что все поняла.

– А потом? – спросила она наконец.

– А потом, – не без удовлетворения закончил я, – мы и покупаем то, что нам в результате понравилось.

– Папа, расскажи еще раз, – попросила Маша.

Ей, как мне показалось, очень понравилась эта необычная история.

– Ну вот, вошли мы в магазин, осмотрелись и не спеша пошли по нему. Вокруг нас яркие красивые вещи.

– Детские? – с беспокойством уточнила она.

– Детские, – успокоил я ее. – И вот мы идем и идем, и ничего не покупаем... А потом разворачиваемся и идем обратно... И только потом выбираем то, что нам больше всего понравилось.

Маша наконец осознала весь смысл моего предложения. И вот она смотрела на меня уже довольно снисходительно.

– Папа! – сказала она. – Ну ведь так у нас никогда ничего не будет!

Когда я рассказал эту историю своему другу Олегу, он даже не рассмеялся, а только коротко кивнул.

– Конечно, она права. Надо сразу все хватать. Ты что, еще не понял?

И он в свою очередь рассказал мне поучительную историю про свою трехлетнюю дочь Алису. Маша и Алиса в хороших отношениях и даже, можно сказать, дружат семьями своих родителей. На днях Алиса тоже пошла в магазин. Это был парфюмерный магазин. Она переступила порог этого заведения, и глаза ее широко раскрылись. И вот она, никого не замечая, уверенно пошла к прилавку, за которым стояла во всех отношениях ухоженная продавщица. Она держала в руках какую-то склянку с туалетной водой и довольно рассеянно разглядывала ее.

– А что, праздник? – словно вскользь спросила ее Алиса.

– Праздник, – ответила продавщица. – Именины сердца.

– А-а... А ногти чем накрасила?

Отец Алисы утверждает, что только в этот момент обратил внимание на то, что длинные ногти продавщицы выкрашены в яркий фиолетовый цвет.

– Лаком, – удивленно ответила продавщица.

– Женщина! – вдруг простонала Алиса. – Я тебя умоляю! Накрась мне ногти! Шикарный, шикарный лак!

Продавщица чуть не выронила из рук склянку, а потом достала свою косметичку, присела и долго красила Алисе ногти фиолетовым лаком.

Подытоживая, Олег сказал, что гордится своей дочерью и что только так и следует жить.

Вернувшись домой, я рассказал эту историю даме своего сердца, Машиной маме. Пока я говорил, Маша несколько раз встревала с одним вопросом:

– А это про кого?

– Про Алису, – наконец ответил я.

– Про мою Алису? – уточнила она.

– Про твою, про твою.

Маша кивнула и замолчала. Дослушав историю до конца, она посидела, подумала и наконец пожала плечами:

– Я ее не узнаю.

Так я пока и не понял, как же все-таки следует жить.

«А трусы?!»

Маша никогда не была в цирке, но уже несколько лет очень хотела попасть туда. Несколько раз она была близка к этому. Но ее родители в последний момент предпринимали все необходимые усилия для того, чтобы поездка в цирк именно в этот день оказалась невозможной.

И вот, наконец, Маша оказалась в цирке. Чего она ожидала от него? Безусловно, чего-то важного в своей жизни. Она придавала визиту в цирк явно преувеличенное значение. Как только мы поднялись по ступенькам цирка на Цветном бульваре и вошли в двери, она истошно закричала:

– Я в цирке!

Другие мальчики и девочки косились на нее с демонстративным недоумением и старались делать вид, что ничего особенного не происходит. Возможно, посещение цирка было для них таким же привычным делом, как и поход в библиотеку. Не знаю. И вот мне уже казалось, что они ни много ни мало обходят ее стороной. Мою дочь, про которую трехлетний Денис в детском саду с гордостью говорит, что она его жена, здесь обходили стороной! А сама она при этом считает своим мужем Кирюшу. А Никиту в этом проекте вообще никто не рассматривает всерьез.

Так вот, мы вошли, значит, в цирк и сразу увидели слона. Я-то, честно говоря, оторопел. Дело в том, что большой се-

рый пыльный слон, идущий рядом с тобой по коридору, вообще-то редкость для меня.

Маша кивнула слону как старому знакомому, и я лишний раз подумал о том, что надо бы воспринимать мир попроще и допускать, что с тобой в любой момент может произойти любая неожиданность. То есть надо бы равняться в этом смысле на нее.

Между тем это машинальное движение души моей дочери не осталось незамеченным. К ней сразу подбежал фотограф и, на всякий случай заискивающе улыбнувшись мне, спросил ее:

– Девочка, хочешь сфотографироваться со слонем?

– Да, – тут же ответила Маша.

Заручившись ее поддержкой, фотограф уже довольно нагло посмотрел на меня и сказал:

– С вас 300 рублей.

– А не много? – на всякий случай спросил я. Он не успел ответить.

– Нет, папа, – ответила Маша. – Мало.

– Две фотографии, – пожал плечами фотограф, – 10 на 15. Нормально. Со слонем же. Может за ухо его подержать. Он не укусит.

– Да он шевельнется, и от нее ничего не останется, – раздраженно сказал я.

Я понимал, что вряд ли они, конечно, держат тут такого слона, который шевелится, когда дети хватают его за ухо. Так

я на самом деле думал. Но просто мне не нравился этот фотограф.

– Вы что, папа? – посмотрел на меня фотограф. – Вы не знаете, с кем имеете дело. Этот слон будет стоять, как фарфоровый.

На ум ему пришло странное сравнение.

– Но на всякий случай вы, конечно, станете рядом с ребенком, – добавил фотограф.

Мы подошли к слону. Я взял Машу на руки, она схватила слона за ухо и дернула что было сил. Я замер. Но слон, по моему, даже не заметил нашего присутствия. Фотограф нажал на кнопочку.

– Слон, ты плохой, – вдруг обиженно сказала Маша.

– Почему он плохой? – спросил я, но тут же и сам понял. На самом деле для слона, как выяснилось, все это переживание тоже не прошло даром. В результате он пукнул. Представляете, что бывает, когда пукает слон? Запахло жареным.

– Папа, – спросила Маша, когда мы отошли на безопасное расстояние, – а если я опять возьму слона за ухо, он опять пукнет?

– Да, моя девочка, – сказал я, – поэтому больше мы к слону никогда подходить не будем.

И мы пошли в зал. Началось представление, и оказалось, что деликатная тема в этот вечер еще вовсе не исчерпана. Один клоун забавы ради начал на арене раздевать другого. В итоге клоун оказался в центре арены в одних блестящих

трусах. Он медленно и с удовольствием поворачивался вокруг своей оси. У него был мощный загорелый торс. Его-то он, наверное, и стремился продемонстрировать публике.

Но его торжество продолжалось недолго. Маша смотрела-а-смотрела на него, а потом с недоумением прошептала:

– А трусы?

Ее, конечно, никто, кроме меня, не услышал. А она обращалась, как оказалось, именно к клоуну. И, выждав еще несколько секунд, звонким детским голосом прокричала уже на весь цирк:

– А трусы?!

Взрослые и дети начали хохотать. Большинство, наверное, решило, что это так и надо, что моя Маша – «подстава». Но клоун-то знал, что она не «подстава». Он еще раз медленно обернулся вокруг своей оси и начал всматриваться в зал. В душе этот парень, я уверен, был стриптизером. И Машин крик донесся до самых потаенных уголков его души. Если бы она крикнула еще раз, он бы, возможно, снял трусы.

Но она этого не сделала. Хорошая девочка.

«Папа, снимай брюки!»

Моя дочь, когда была маленькой, легко решала все свои проблемы со мной. Как-то раз, год назад, она попросила меня почитать ей на ночь. А я и сам в этот момент не отказался бы, чтобы мне кто-нибудь почитал на ночь. Примерно так я ей, зевнув, и сказал. Ну, то есть на самом деле я, конечно, попытался объяснить ей, что надо же учиться засыпать безо всяких книжек, потому что скоро она начнет ходить в детский садик и там ей никто книжки перед сном читать не будет. Таким образом я решил одним выстрелом убить двух зайцев: ничего ей не читать и заодно подготовить ее ко взрослой жизни со всеми ее тяготами и лишениями.

Она спокойно выслушала. Потом она встала на четвереньки, придала своему личику максимально зверское выражение и прорычала своим тоненьким голоском, глядя на меня снизу вверх откуда-то с самого пола:

– Я – волк! Читать!

Я чуть не расплакался. Она-то, конечно, не знала, что от умиления. Решила, что от страха. Ну и читал ей потом разумеется, эту книжку, пока не пришла мама этого волка и не уложила его спать.

Теперь все иначе. Теперь она не может влиять на меня так прямолинейно. С возрастом ее методы усложнились.

– Папа, – говорит она, – дай мне конфетку.

– Хватит, – отвечаю, – ты сегодня целый день ешь конфеты. Посмотри на свой живот.

Она внимательно смотрит на свой живот.

– Папа, – говорит она, – мне только одну. Такое впечатление, что я собираюсь дать ей десять конфет, а она пытается остановить меня.

– Нет, Маша, наверное, не дам.

– Почему?

– Ты меня не убедила.

– Да? – с каким-то пониманием спрашивает она.

– К сожалению, да.

– А как тебя убедить?

– Подумай. Она подумала и бежит к маме:

– Мама! А как папу убедить?

– Это невозможно, – искренне отвечает ей мама.

– Невозможно... – тихо повторяет моя дочь. – Папа! Пойдем прочитаем книжку!

– Другое дело! Конечно, пойдем.

Я рад, что она уже не просит эту конфету, от которой у нее покраснеют щеки.

– Мама, – кричит она, – мама! Я его убедила!

А вчера вечером я собирался на одно мероприятие и вынужден был надеть костюм. Я редко это делаю. Она, когда увидела меня, очень удивилась.

– Папа, ты что? – с недоумением спросила она.

– А что?

Она покачала головой.

– Ты куда?

– В гости.

– В таком виде?

Мне стало смешно. Всегда смешно, когда трехлетняя дочь разговаривает с тобой, как двадцатипятилетняя жена.

Но я тут же все понял. Она вообще-то была права. Она что, в гости никогда с отцом не ходила? Она очень хорошо знает, в чем ее папа ходит в гости. Оранжевая рубашка, разноцветные джинсы. Да что угодно, но ведь не костюм.

Но не мог же я ей сказать, зачем я на самом деле надел костюм. Я этого вообще никому сказать не могу. Слишком это все серьезно.

– Папа, снимай, – сказала Маша.

– Что? – не понял я.

– Галстук.

– Маша, – говорю я ей, – ты откуда слова-то такие знаешь?

Галстук...

– А Кирилл пришел в садик в шарфе и сказал, что это галстук.

– Маша, – говорю, – если я сниму галстук, то тогда вообще никуда не пойду. Туда без галстука не пустят.

– Снимай, папа, снимай, – торопливо сказала она. – И брюки снимай.

Я из чувства протеста говорю:

– Не сниму.

И тут я понимаю, что за несколько минут роли как-то поменялись. То есть это она со мной разговаривает, как мама с капризным ребенком. А он оказывает сопротивление, хотя в душе и понимает, конечно, что оно бессмысленно.

– Маша, – говорю я тогда, – ну допустим, сниму я галстук, потом пиджак, потом брюки сниму. Зачем тебе все это? И что мы будем делать?

– Папа, – говорит она. – Как что? Книжку читать!

«Я какать хочу!»

Мы с Машей иногда ходим в ресторан. Это очень хлопотное занятие, от которого участвующим в нем людям, если разобраться, нет никакого толку. Но Маша иногда просится в ресторан. Почему?

Один раз она обратила внимание на то, как бурно люди среагировали на ее радостный крик маме:

– Я какать хочу!

И теперь, как только мы приходим куда-нибудь и садимся за стол, она некоторое время изображает из себя девушку из высшего общества, но только для того, чтобы в какой-то момент крикнуть на весь зал:

– Я какать хочу!

Реакция всякий раз такая, на какую она рассчитывает. Люди ведь в ресторане часто едят. И вот едят они, едят, а потом слышат этот крик.

Один раз тетенька, сидевшая рядом, сделала ей замечание.

– Девочка, – с раздражением сказала она, – я вот тоже, может, какать хочу. Но я же молчу.

– Почему? – удивилась Маша.

Тетенька задумалась. У нее не было готового ответа.

– Мама, тетенька говорит, что какать хочет! – крикнула тогда Маша изо всех сил.

Все, конечно, сразу с интересом посмотрели на эту тетеньку. И чем дольше она потом сидела, тем с большим интересом на нее все смотрели. И когда она ушла, все, кажется, вздохнули с облегчением.

В другой раз Маша очень заинтересовалась тарелкой с водой и лимоном. Сначала, когда перед ней поставили эту тарелку, она хотела, конечно, воду выпить, а лимон съесть. Но мы, на свою беду, объяснили ей, что в воде надо вымыть руки.

Я жалею об этом до сих пор. Мало того что, вымыв руки, она дождалась-таки удобного момента и сначала попила из тарелки, а потом затолкала в рот лимон. Настоящая проблема была в том, что у этой истории оказались, как в хорошем медицинском опыте, отдаленные результаты. Теперь она требует такую же тарелку и дома. Она требует ее всякий раз, когда мы говорим ей, чтобы она вымыла руки. Объяснить, почему в ресторане надо мыть руки в тарелке с лимоном, а дома можно вымыть и из-под крана, невозможно. Более того, она приучила мыть руки в тарелке с лимоном всех своих кукол и уже несколько раз осторожно говорила мне, что надо бы достать из аквариума рыбок и тоже вымыть их в тарелке с лимоном.

Короче говоря, от этого ресторана одни только проблемы. И я бы, конечно, ни за что по своей воле не ходил бы с ней в ресторан. Но ведь она сама просится. И так, что я не могу отказать. Ну я понимаю, ей там хочется крикнуть, что она

хочет какать. Ну и что, только из-за этого? Из-за одного этого она не стала бы заводиться. А тарелка с лимоном есть и дома. Что же еще? Обязательно должно быть что-то. Я спрашивал ее об этом. Она говорила, пожав плечами: «Ну мы же с тобой так редко куда-нибудь ходим!» Эту фразу она, я так понимаю, подслушала у мамы. Нет, и не в этом, конечно, дело. И я решил повнимательнее понаблюдать за ней.

Мы пришли в бар «Джек Рэббит Слимз» на Соколе. На входе стоял картонный кролик ростом чуть выше Маши. Она как-то машинально кивнула ему. Так же рассеянно, как старому знакомому, она кивнула и гардеробщику, повывавшему жизнь дяденьке. Она стала к нему спиной, и он помог ей раздеться. Маша сказала «спасибо» и уже было отошла, но потом решила, что должна сказать ему еще пару слов.

– А у меня новые трусы, – лениво сказала она.

– Везет тебе, – покачал он головой.

Она кивнула и прошла в зал. Я сделал заказ. Она молчала. Официантка пошла к барной стойке.

– Подожди! – вдруг крикнула ей Маша. – Стой! Девушка остановилась.

– Иди сюда.

Официантка подошла. У нее была правильная улыбка.

– Сока хочу.

– Виноградного? Яблочного? Апельсинового?

– Красного.

– Вишневого? – спросила догадливая девушка. – Да!

– Сию минуту!

Маша радостно засмеялась и только потом с облегчением крикнула на все заведение:

– Какать хочу!

Так я наконец понял. В ресторане ее больше, чем еда, интересует обслуживание. И не она одна такая.

«Пропала Россия!»

Почему-то считается, что дети любят проводить время в детских комнатах. Эти комнаты расположены, как правило, в больших магазинах и существуют для того, чтобы родители могли, изолировав ребенка там на час-полтора, устроить праздник и для него, и для себя.

А также считается, что в детских комнатах детям, например, очень нравится прыгать в бассейнах без воды с пластмассовыми шариками. Иногда родители даже выстраиваются в очереди, крепко держа детей за руки, чтобы они, не дай бог, не убежали и во что бы то ни стало порадовались жизни.

Я, конечно, не исключение. Исключений, если разобраться, не бывает. Если отец не стоит с ребенком в очереди в бассейн с шариками, это не значит, что он является исключением. Просто он искренне считает, что ребенку гораздо интересней делать зарядку из двадцати одного упражнения по методике тибетских монахов или мыть шампунем отцовскую машину.

Так вот, значит, я с Машей, выстояв очередь в бассейн с пластмассовыми шариками вместе с моим товарищем и его трехлетней дочерью Алисой, впервые с облегчением оставил кровиночку радоваться жизни в этом бассейне. Моя попытка сделать это месяцем раньше в ледовом Дворце спорта закончилась тем, что она еще даже не успела войти в такой вот

бассейн и потрогать шарик, как получила пяткой в грудь от одного смышленного малыша, с которым у меня потом был серьезный разговор.

Оставив детей в бассейне, мы пошли в кафе. Наши жены в это время занимались привычным им делом. Как-то все вдруг, таким образом, устроилось.

Минут через десять мне позвонила девушка из этого бассейна и попросила прийти. До этого, когда она брала у меня телефон, то предупредила, что это так положено, а звонить они будут только в исключительном случае. Значит, исключительный случай уже наступил.

Прибежав в бассейн, мы застали наших детей живыми. Это была уже сама по себе большая и даже, можно сказать, нечаянная радость. Дети стояли на пластмассовых шариках и из-за железной сетки внимательно, без тени сочувствия смотрели на нас.

– Мы потеряли их носочки! – жалобно сказала девушка, которая звонила мне. – Нигде не можем найти.

– А у них не пробовали спросить?

– Конечно, пробовали.

– И что?

– Ничего! Они смеются надо мной!

– Маша, – спросил я, – ну и где твои носочки?

Она, конечно, тут же начала громко смеяться надо мной. Она очень ждала этого вопроса.

– Алиса, – попросил мой товарищ, – принеси мне, пожа-

луйста, носочки.

С Алисой от этих слов просто истерика случилась. Так искренне хохотать умеют только трехлетние дети.

– Простите, пожалуйста, – сказала девушка, – но у нас дети без носочков не могут тут находиться.

– Маша, пойдем, – сказал я.

– А носочки? – хором вместе с девушкой спросили дети.

В общем, полез я туда за этими носочками. Это было ужасно. Я уж не говорю о том, что до сих пор у меня в ушах стоит этот звонкий детский смех, которым сопровождались мои поиски. Это было еще и чертовски трудно – лазить по этим шарикам, копать в них... Безумие какое-то. И носочков я не нашел.

И тогда в бассейн полез мой товарищ. А он парень, слава богу, двухметрового роста. В общем, может, руки у него длиннее, но он минут за десять нашел все четыре носочка.

Когда мы уже выходили из этого адского бассейна, я в воспитательных целях обратил внимание своей дочери на одного маленького мальчика.

– Видишь, – сказал я Маше, – какой интересный и хороший мальчик стоит на шариках вон там, у окна. Не прячет ни от кого своих носочков.

– Папа, – сказала мне девочка, – ты послушай, что он говорит!

– Разве он что-то говорит? – удивился я.

– Конечно! Он все время говорит. Я его боюсь.

Я подошел к мальчику. На вид ему было лет пять. Он и правда не спеша разговаривал сам с собой. Я прислушался.

– Вчера был снег, – задумчиво говорил мальчик. – Сегодня идет дождь. Пропала Россия.

Я с благодарностью посмотрел на свою дочь. Нет уж, пусть лучше она от меня носочки прячет.

«Боишься, что ли?»

Мне нужны были очки для плавания. Они продаются в спортивном магазине. Кажется, чего проще: иди и купи себе очки. Конечно, нет. Купить очки можно только в выходной день, то есть в субботу. А этот день принадлежит твоей семье. Она выстрадала право на него. Можно сказать, что она обрела его в борьбе. Теоретически по субботам можно ведь и в футбол играть. Но в результате борьбы за субботу победили дети. А в футбол я играю по воскресеньям.

Так что за очками мы поехали с детьми. У меня кроме трехлетней Маши есть еще полуторагодовалый сын Ваня. И у них есть мать. Вот мы все в субботу и выдвинулись за очками.

В магазине мы обошли сначала первый этаж (там очков не было), потом второй (там были). Купить очки очень сложно вообще-то. Надо, чтобы они хорошо прилегали к лицу, не пропускали воду и чтобы не слишком сильно жали. И все равно потом, кстати, на лице еще долго остаются следы от этих очков. Есть, говорят, очки с большими стеклами, которые следов не оставляют, но я что-то не встречал.

Короче говоря, я очень долго выбирал очки. В какой-то момент Маша тоже начала выбирать себе очки. Одни ей очень понравились. Они были ярко-оранжевого цвета. Это были взрослые очки. Но как-то она их надела, и они задер-

жались на ее голове. Она была очень довольна.

На это не смог смотреть, конечно, спокойно Ваня. Он подошел и тоже взял себе очки.

– Ваня, тебе-то зачем? – спросил я его.

Он даже не счел нужным ответить, а просто приложил их к глазам. Он сделал, кстати, все правильно, то есть со стороны было полное впечатление, что он их надел. Все-таки он ведь мой сын.

Маше Ванины действия не очень понравились.

– Папа, – сказала она, – принеси мне снизу шапку.

– Какую? – удивился я.

– Красную. Для купания.

Я вспомнил, что и точно, видел на первом этаже шапочки для купания. То есть она хотела пойти дальше, чем Ваня. Ревность какая-то между ними все-таки есть. При этом Маша хорошо понимает, что, когда у нее на голове будет еще шапка, Ваня тоже себе такую потребует. В этом, я думаю, и состоит главная цель ее действий.

– Маша, – говорю я, – я не пойду, конечно, за шапкой.

– Почему? – удивилась она.

Я ей объяснил, что у меня сегодня выходной день и что я не буду тратить его на то, чтобы бегать вверх-вниз по этажам спортивного магазина. Чем абсурднее, я замечал, объяснение, тем меньше у них вопросов остается.

– Поняла? – переспросил я ее на всякий случай.

– Да, – кивнула она. – Но ты мне только шапку принеси.

Я опять ей объяснил, уже не помню что.

– А-а-а... – сказала она.

Она помолчала, обдумывая эту ситуацию.

– Папа, – произнесла она наконец.

– Что?

– Боишься, что ли?

Вот это было то, чего я не ожидал. Дочь откровенно брала меня на «слабо». Все вдруг стало очень серьезно.

– Маша, – сказал я, – ну чего же, ты думаешь, я, твой отец, могу бояться?

– Ну не знаю, – сказала она. – Темно там...

Я ничего не успел ответить. А главное, я и не смог бы, конечно, ничего ответить. И мы оба это знали. Это был нокаут. Идти за шапкой после этого было бы еще глупее, чем остаться.

Тут в зале, на мое счастье, заиграла негромкая энергичная музыка. Победительница забыла про меня и начала с наслаждением танцевать в этих очках. Через секунду к ней присоединился Ваня, тоже в очках. На нас смотрел весь второй этаж, и даже, мне показалось, кто-то пришел с первого. Происходящее было моим большим субботним счастьем.

Жаль, очки мне никакие не подошли.

«ТЫ МОЙ МУЖ»

Мы с Машей пошли есть пирожные. Не так уж много в Москве мест, где это можно сделать со вкусом. В одно из таких мест мы и отправились. Я не буду рассказывать, куда именно, а то завтра там не протолкнешься.

Маша заказала себе три пирожных: медовик, корзиночку с фруктами и еще одно, с непроизносимым названием. И она попросила чай.

– Девочка, – спросила официантка, – тебе какой чай принести?

– Мне кофе.

– Тебе рано пить кофе.

– А папе можно?

– МОЖНО.

– Принеси ему кофе.

– И ты потом возьмешь у папы? Ты интересная девочка.

– Очень, – сказала Маша. Официантка пошла за кофе.

– Маша, – спросил я ее, – разве можно так разговаривать с официантками?

– Папа, – сказала она. – Я хотела с тобой поговорить.

Я удивился. Это я на самом деле хотел с ней поговорить и ждал этого момента, когда мы пойдем есть пирожные. Последнее время у нее возникли проблемы в детском саду. Денис, которого она последний месяц называла своим мужем

(хотел было даже написать: и не без оснований), перестал нравиться ей. Она от этого переживает больше, чем он. И я хотел вкратце объяснить Маше природу мужских и женских отношений, хотел как-то заверить, что на самом деле расстраиваться-то особо нечего, и не такое бывает, и так далее...

Но оказывается, что и у нее были свои планы на наше время с этими пирожными.

– Папа, – сказала она, – мама нашла мне плохую няню.

– Почему, Маша? – удивился я.

Мы были вообще-то довольны этой няней. Опыта работы у нее не было, но старшая дочь в семье, где шестеро детей...

– Молодая слишком, – с осуждением сказала Маша. Няне 23 года. Я начал понимать:

– Это мама так говорит, Маша?

– Мы обе с ней так считаем, – не сдала она маму.

– Маша, – говорю, – тут что-то не так. Смотри, ты же говоришь, что это мама нашла тебе такую няню.

– Да.

– И вам же с ней эта няня не нравится. – Да.

Она не видела тут никакого противоречия.

– А знаешь, почему? – спросил я. – Просто это я нашел эту няню. А не мама.

Трудно сказать, почему я вдруг решил пожертвовать собой в этой деликатной ситуации. Вообще-то мне это несвойственно.

– Нет, папа, – уверенно сказала Маша. – Ты не мог найти такую плохую няню.

Она, таким образом, не приняла жертву. Принесли пирожные и кофе.

– А чек? – спросила Маша.

– Минуточку, – смутилась официантка.

– Опять начинается? – нахмурилась Маша.

Она спросила точно так же, как спрашивает мама, когда укладывает ее спать, а Маша не хочет.

– Извините, пожалуйста, – пробормотала официантка. – У вас скидка?

Она была уверена, видимо, по Машиному поведению, что она ходит сюда каждый день – специально, чтобы портить людям нервы.

– У нас нет скидки, – ответил я.

Официантка приободрилась и с достоинством отступила.

– Маша, – сказал я, – давай теперь поговорим о твоих делах.

– Давай, – легко согласилась она.

– Я про Дениса. Говорят, он тебе уже не муж?

– Нет, – серьезно сказала Маша. – Он же у меня игрушки отнимает. Ты мой муж.

– Ну нет. Я же отец твой.

– Ну и что?

И в самом деле: ну и что?

– Ну, я мамин муж.

– Да я знаю, – успокоила меня дочь. – Жалко.

Хорошо, вырастив дочь, ходить с ней в кафе-кондитерскую, чтобы с таким успехом решать проблемы бытия.

– Пойдем, папа, – сказала Маша. – Нам пора.

– А пирожные как же?

– А я их птичкам отдам. Им нужнее. Интересно, от кого она эту фразу услышала. От меня она такого услышать не могла.

«Где мой чупа-чупс?!»

Время от времени мы с Машей, конечно, ходим в гости. Это я так обреченно написал, а ей вообще-то нравится.

– Папа, – говорит неделю назад Маша, поглядев в окно. – Мне надоела эта зима. Давай что-нибудь придумаем.

За окном зеленые листья и дождь, но, по сути, она абсолютно права. Происходящее этим маем ставит просто в тупик.

– И что ты предлагаешь? – спрашиваю я рассеянно. И тут же понимаю, что допустил ошибку и что она может ею воспользоваться. Например, она может попросить чупа-чупс, этот проклятый леденец на палочке. А она уже все утро и так грызла эти леденцы.

Я и так у нее из отца превратился в человека, который, придя с работы, может принести чупа-чупс, но может и забыть. И время от времени он, от которого и так-то довольно мало толку, забывает. А иногда приносит, но потом и об этом забывает и думает, что в карманах у него ничего нет. И тогда приходится прямо на нем самой выворачивать все его карманы, пока не найдешь в них то, что нужно.

Однажды Маша, когда была в хорошем расположении духа, постаралась объяснить мне что-то важное насчет чупа-чупса.

– Понимаешь, папа, – сказала она, – если человек хочет

чупа-чупс, то надо принести ему чупа-чупс.

И она с неким сомнением поглядела на меня: понял ли я хоть что-то?

И вот, значит, я соображаю, что когда я спрашиваю ее, какие у нее предложения, то она может тут использовать мои слова против меня. Но она и сама как-то рассеянна и пропускает этот пас.

– Не знаю, – говорит она со вздохом, – может, в гости надо сходить.

И вот мы пришли в гости к мальчику Теме. Это воспитанный мальчик, который знает, как вести себя, когда к нему приходят гости. Начать с того, что он почти вдвое старше Маши. Тема усаживает Машу на белый пушистый ковер и дает ей пару игрушек из своего детства: мяч и пирамиду. Он понимает, что, если дать одну игрушку, девочка может заскучать, а если три, то слишком расшалится. Ни то ни другое не входит в правила приема гостей. Да, Тема хорошо знает, как занять ребенка.

Маша с некоторым опасением осматривается вокруг. Может показаться, что ей тут неуютно. На самом деле она смотрит, далеко ли родители. Потому что есть ведь несколько моделей поведения: с родителями, без родителей, а также с родителями, которые где-то рядом. В каждом случае есть смысл вести себя по-разному.

Родители где-то рядом. Маша садится на ковер и начинает лениво перекатывать мяч. Тема учит ее перекатывать мяч

как надо. Маша вздыхает. Тогда он дает ей в руки пирамиду, показывает, как в нее играть. Маша берет ее в руки и внимательно смотрит на Тему. В этот момент я вхожу в комнату и понимаю, что мальчик прямо сейчас может получить этой пирамидой по голове.

– Папа, – Маша обрадована, – знаешь, о чем я сейчас думала?

Мне кажется, я знаю. Конечно, про чупа-чупс. Но я не дурак говорить ей об этом.

– Я думала, что мы зайчики, а мама-зайчиха умерла, а папа все на работе и на работе.

Ну, думаю, теперь, после такого предисловия, она точно попросит чупа-чупс. Она запугала меня этим чупа-чупсом очень сильно. Это одна из главных моих фобий. Но ничего подобного, не попросила.

– Мне душно и скучно, – говорит Маша.

– Я веселый мальчик, – не согласен Тема. – И мы можем открыть окно.

– Не надо. Лучше я разденусь.

И она быстро раздевается до трусиков. Тема смотрит на нее с испугом. А она не может скрыть торжествующей улыбки. Ну и кто к кому пришел в гости? Вот такая мысль, мне кажется, владеет ею.

И в этот момент я понимаю, что я ее на самом деле сейчас совершенно не интересую. Я бы не сказал, что так уж приятно. Но, в конце концов, когда-то, говорю я себе, это должно

было произойти. Зато чупа-чупс не попросит.

– Маша, – говорю я, расслабившись, – не скучай. У Темы есть и другие игрушки. Он сейчас тебе еще что-нибудь принесет.

– Есть, – говорит Тема и приносит пистолет. Маша хватается за него, наставляет его на меня и кричит:

– Папа! Где мой чупа-чупс?!

«Там столько мужчин – и все незнакомые!»

Трехлетняя Маша (на самом деле, если задуматься, ей уже три с половиной скоро будет) уже давно просится на море. Из-за этого с ней бывает трудно. Мысль о море не оставляет ее практически ни на минуту.

На море она была первый раз в жизни в прошлом году. Тогда она обнаружила, что у моря нет берега, и была страшно расстроена. Я объяснял ей, что этим море и отличается от реки, но она ничего не хотела слышать. Отдых стал ей не мил. Она переживала молча, в одиночку. Это тоже было впервые в ее жизни, и я от этого страдал не меньше, чем она, пока не догадался свозить ее на один остров, с которого хорошо просматривался берег, где мы жили, и таким образом вышло, что у моря все-таки два берега.

С тех пор она регулярно вспоминала о море. Пару недель назад она призналась, что море ей приснилось.

– А что тебе приснилось? – спросил я.

– Ты, мама, бабушка, – честно вспоминала она. – Детский сад.

– А что ты делала?

– Каталась на велосипеде.

– По морю?

– Нет, папа. На велосипеде нельзя кататься по морю.

– Но ты к морю ехала на велосипеде?

– Нет, я вокруг дома каталась с Кириллом. Он меня не догнал.

– Маша, – спросил я ее, – но почему ты говоришь, что сон был про море?

– Потому что я хочу на море.

И вот теперь практически каждый разговор на любую тему она быстро сворачивает к морю.

Более того, она вбила эту мысль в голову и своему младшему брату, полуторагодовалому Ване, и он теперь тоже без устали показывает рукой за окно, делает характерные движения руками, как будто плывет (с сомнением смотрит на сестру, все ли так, как надо, и она коротко кивает ему, и он абсолютно, сверхъестественно счастлив и хохочет).

Ваня никогда не был на море, и Маша время от времени рассказывает ему, как там хорошо. Там огромные попугаи («Ваня, они громко каркают, вот так: кар-р! каррі»), там есть одно место, где тебя рано утром за пять минут сделают лисой или зайчиком («вот такие черные усы рисует!»), да там столько всего, что нет больше никакого смысла оставаться дома.

– А что вообще-то ты там будешь делать? – спросил я ее, когда она в очередной раз подошла ко мне с серьезным разговором на эту тему.

– Загорать буду, – с недоумением пожалала она плечами.

– А ты знаешь, что твоя мама идет сейчас загорать? Она

была поражена:

– Ты что! Здесь нет моря. Ты что, не знаешь?

– Знаю. Моря нет. Но мама идет загорать.

С одной стороны, она и мысли не допускала, что у нее где-то здесь под боком есть море. А с другой – она все-таки привыкла верить своему отцу. Я ее не обманываю. То есть не видела она от меня в жизни зла.

– Хочешь, мы тоже пойдем с ней?

– Хочу, – задумчиво, с некоторой опаской говорит она.

И мы идем в студию загара. Там растут пальмы. Там я с облегчением вижу каркающего попугая.

Мама показывает ей капсулу для загара с вертикальными лампами.

– Что это? – спрашивает Маша.

– Солнце, – говорю я.

– А-а, – кивает она. – А где море?

Я сначала хотел показать ей бассейн три на пять метров, но потом подумал, что это будет уж слишком жестоко. Может потерять веру в человечество. А это у меня запланировано гораздо позже, не раньше чем годам к двенадцати.

– Моря, Маша, здесь нет. Здесь только солнце. Моря тебе никто и не обещал.

– А мама уже идет загорать?

– Уже пошла, – говорю.

– А зачем?

– Для красоты, – отвечаю. – Чтобы нравиться незнакомым

мужчинам.

– Поняла, – кивает она и слезает с высокого барного стула. – Я хочу домой.

Дома она бросается к бабушке:

– Бабушка, – кричит она, – Ванюшка! Вы знаете, где мы были? На море! Мама так загорела!

Я вздыхаю с облегчением, потому что подумал было, что ей все это очень не понравилось. Все-таки это было очень уж нечестно.

– А что еще ты там видела? – спрашивает бабушка.

– Там столько мужчин! – качает она головой. – И они все незнакомые!

«И скрипка упала уже...»

В гостях хорошо, и точка. Маша не очень любит сидеть дома. Вчера мы поехали в гости к моему приятелю, художнику Сергею Мейтуву. Он живет, можно сказать, в соседнем доме. На машине ехать три минуты.

Маша решила не упускать ни одной секунды.

– Папа, – говорит она, – а можешь быстрее? Второй раз меня об этом просить не надо.

– А еще быстрее?

На узкой улице, заставленной машинами, я уже перешел на пятую.

– А еще? А то ты медленно едешь, Ванюшке не нравится.

Ее полуторалетний брат не шевелясь сидит рядом с ней. Детский психолог, окажись он сейчас, не дай бог, в этой безумной машине, поглядев на Ваню, постарался бы сказать что-нибудь умное. Например, «что вы хотите, ребенок познает мир». А мне кажется, Ваня сидит и думает:

– Ничего себе! И он мне еще говорит: туда не ходи, сюда не ходи!

– Ваня, ты хочешь, чтобы папа поехал быстрее? – спрашивает Маша брата.

– Да! – подтверждает тот.

Вообще-то он сейчас на любой вопрос отвечает «да»! И Маша хорошо знает об этом.

– Папа, давай быстрее!

Спокойно, я понимаю, что я везу детей. Но мне кажется, что пока ситуация в пределах нормы. И я прибавляю.

– Папа, – говорит Маша, помолчав еще секунду. – А теперь отгадай загадку. Машина в реке, Маша ловит рыбу на берегу (ударение на последнем слогe). Что это?

Вот тут я чуть не роняю руль из рук.

– Это, – наконец подавленно отвечаю, – я по просьбе моей дочери ехал все быстрее и быстрее.

Она кивает. Давно я так не попадался. Со взрослыми-то я бдительность не теряю.

Художник Мейтув, где живет, там и трудится. Дома у него мастерская. Все стены увешаны результатами работы. Он художник непростой, работает со всяким мусором, начиная с битых блюдец и заканчивая сгоревшими микросхемами. Все эти сокровища с особой педантичностью, которая и не снилась ни одному бомжу, живущему на свалке, разложены у него в большой светлой комнате по полочкам и ящичкам.

Маша осмотрелась и обрадованно сказала:

– Вот она, птичка!

– Где? – переспросил я.

– Да вот же!

Я смотрю и ничего не вижу, кроме мутных медицинских склянок да десятка с любовью отрезанных голов пластмассовых пупсов после курса химиотерапии (лысых то есть).

– Да нет, папа! – с досадой говорит Маша. – Вон там!

Наконец за грудой ржавых гвоздей и погнутых ключей я вижу два, нет, сразу четыре чучела маленьких попугайчиков.

– Птичку берем с собой! – говорит Маша.

– Да нет! Пусть живет тут, – отвечаю я ей.

– Она здесь погибнет, – резонно отвечает мне дочь.

– Возьми, Маша, попугайчика, – ласково говорит ей художник.

– Тогда двух, – уверенно заканчивает дочка.

– Второй мне и самому нужен. – В голосе художника появляются стальные нотки.

Я его понимаю. Посмотрел бы я на вас, если бы вас в одночасье лишили куска хлеба.

– У вас, кстати, нет тел Барби? – озабоченно спрашивает художник. – У меня есть предчувствие, что в какой-то момент они могут очень пригодиться в работе.

Следующие полчаса Маша тихо перебирает клавиши пианино в соседней комнате и смотрит в темное окно. Рядом лежит разноцветный попугай. Маша начинает негромко петь:

– Вот окно, оно закрыто, я пою, я немного сердита...

Потом мысль ее уносится куда-то очень далеко, и песня заканчивается минут через пять словами:

– И скрипка упала уже...

Маша умолкает и роняет голову на клавиши. Потом встает и кланяется.

Вообще-то я, честно говоря, поражен происшедшим. Я думаю, что на нее чудесным образом повлияла атмосфера

ра этой квартиры. Надо срочно развивать эти способности, мелькает паническая мысль. Если, конечно, не все еще потеряно...

– А еще споешь? – ошарашенно спрашиваю я.

– Нет, не могу, – с сожалением отвечает она. – Ты же буквы убрал.

А я и в самом деле убрал с пианино тетрадь с нотами. Мне казалось, она будет отвлекать ее. А она смотрела не в окно, а в эту тетрадь и представляла себе, что читает стихи.

– Ладно, папа, – говорит она. – Поменяй моего попугая на здорового. А то у этого ножка отвалилась. И мы поедem домой. Только ехать будем очень быстро, понял?

«Без лифчика плавать нельзя – утонешь!»

Маша давно собиралась на Красную площадь. Вообще-то раньше она уже была на Красной площади, но не помнит этого. Ей тогда было около полутора лет. Оказавшись на Красной площади, она долго и старательно шла по белой линии, нарисованной на брусчатке, потом в какой-то момент сбилась, ступила на серый камень и потом страшно плакала из-за этого. Она была безутешна до тех пор, пока я не зашел с ней в магазин на Охотном Ряду и она не выбрала себе розовую кофточку. Меня тогда потрясло, что она твердо показала именно на розовую кофточку и отказалась даже примерить голубую. Только в тот момент я, кажется, наконец отчетливо понял, что у меня растет девочка, а не мальчик.

На прошлой неделе многое было иначе. Во-первых, в магазин пришлось зайти еще до того, как мы оказались на Красной площади. Она не требовала этого, а просто объяснила, что ей это очень нужно.

– А зачем? – уточнил я.

– Папа, там же есть солнечные очки и детский лифчик, – сказала она. – Мы же едем на море. Папа, ты что, не знаешь?

– Ну я понимаю, – машинально сменив курс и уже идя по направлению к магазину, говорил я ей, – зачем тебе солнечные очки. Но лифчик?

– А зачем мне очки? – спросила она.

– От солнца, наверное, прятаться, – предположил я.

– Но ведь здесь совсем нет солнца, – пожалала она плечами. – Солнце есть только на море. Поэтому мы едем на море.

– Ну ладно, а лифчик тебе зачем?

– Чтобы плавать.

– А разве нельзя плавать без лифчика?

– Да, нельзя.

– А почему?

– Утонешь, – просто ответила она.

Мы купили ей очки и лифчик. Очки были розового цвета с оправой в форме сердечек. Примерив их, она надела очки и на мой нос.

– Нет, тебе они не идут, – сразу сказала она.

– Почему?

– Потому что это мои очки.

С лифчиком пришлось повозиться. Мы искали его довольно долго. В результате мы купили желтый купальник с зелеными пальмами. Она хотела идти в нем на Красную площадь, но я уговорил ее не делать этого. Убедил я ее не тем, что будет холодно или неприлично, а тем, что желтое на красном (на фоне кремлевской стены) совершенно не смотрится. Хотя на самом деле, по-моему, наоборот.

Когда мы вышли из подземного магазина, она сказала:

– Папа, смотри, там же фонтаны!

Она до этого, по-моему, никогда не видела фонтанов, но

была, конечно, наслышана о них.

Там и в самом деле били фонтаны. Увидев, с каким удовольствием моя девочка рассматривает окаменевшую от горя Аленушку у ручья, я сразу стал лучше относиться к Зурабу Церетели.

Маша застыла возле Аленушки и напряженно глядела на нее. Мне показалось, она искала глазами ее братца Иванушку. Я тоже, кстати, поискал его глазами, но не нашел. Я подумал, что, может, он уже превратился в козленочка и я не того ищу. Но и козленочка поблизости не было. А может, это и не Аленушка была в платье, а русалка с хвостом.

– Нравится тебе эта девушка? – спросил я у Маши, которая по-прежнему не отрывала взгляда от скульптуры.

– Какая девушка? – удивилась Маша.

– Ну каменная, в воде.

– Папа, – говорит Маша, – ты что? Я на мальчика смотрю. Видишь, мальчик стоит живой? Он же сейчас купаться будет в фонтане.

Тут я наконец понял, что она и в самом деле не на русалку смотрит, а на мальчика, который уже разделся до плавок и готовился залезать в фонтан. Так он и сделал через полминуты. Она смотрела на брызгающегося мальчика еще минут десять. Потом я все-таки увел Машу на Красную площадь. Она на этот раз не ходила по белой линии, а пыталась докричаться до солдат у входа в Мавзолей. Потом мы поехали домой.

– Маша, признайся, – спросил я ее дорогой, – ведь ты тоже, наверное, хотела в фонтан прыгнуть? Скажи честно: очень хотела?

– Я? – удивилась она. – Нет, не хотела. Я на мальчика смотрела. Мальчик очень смешной. В фонтане купался. А мы-то с тобой на море поедем!

«Принцесса Аврора не сделала бы этого!»

Дети с мамой уехали отдыхать на море, а я остался в Москве. Осиротели не они, а я.

Оттуда, из-за границы, вторую неделю поступают отрывочные сведения. Вторую неделю идут позиционные бои по всем фронтам с переменным успехом.

– Мама, – говорит Маша, – мы жили в Москве, в голубом доме. А теперь наш дом – гостиница, да?

– Да, дочка, так уж получилось, – успокаивает ее мама. – Зато здесь есть море.

– Ну так пойдем на море, – говорит Маша.

– Сначала завтрак, потом бассейн, потом море.

– Нет, мама, сначала бассейн, потом море. Про завтрак речи нет вообще.

– Маша!

– Аленка! – грозит она пальцем матери.

– Маша, ты меня расстраиваешь.

– Мама, – говорит Маша, – не расстраивайся. Зато ты у нас молоденькая. А папа у нас высокий.

Ее брат Ваня, которому еще нет двух лет, тоже вспоминает меня. Он приходит в лобби отеля, встает у автоматически открывающейся стеклянной двери и подолгу ждет меня. Это ожидание наполняет мою душу чувством непреходящей ви-

ны, а мою жизнь – смыслом.

По телефону я объясняю ему, что приеду со дня на день, а он говорит: «Дядя, би-би». Это значит, что кто-то катает его на машине. Кто? Я спрашивал у жены, она говорит, что никто, что он катается только на игрушечной машине в зале игровых автоматов. Но откуда же там дядя? А это механик, объясняет мне жена. Я думаю, она говорит правду. Но слышать ее все равно больно.

Маша не интересуется машинками. Ее устраивает ворох сладкой ваты на деревянной палочке. Когда мама первый раз купила ей сладкую вату, она взяла ее, подержала перед собой и сказала:

– Вот настоящее счастье для маленькой девочки.

Один итальянец сфотографировал Машу за этим занятием. Ему, чернявому, понравилась девочка с длинными льняными волосами, голубыми глазами и с ворохом белой сладкой ваты в руках. Пока она позировала ему, ее мама, засмотревшись на все это, споткнулась и упала.

– Ничего, мама, до свадьбы заживет, – успокоила Маша.

– Да все, Маша, я уже замужем.

– А, ну да, – согласилась Маша. – Хорошо тебе? – Да.

– И что, белую фату не хочешь?

– Нет, фату не хочу.

– Ну тогда до моей свадьбы заживет.

Она мечтает о белой фате и о принце Филиппе, но знает, что его сердце занято. Она не страдает, ничего личного. Она

понимает, что свадьба – это игра. Серьезно у нее с одним мальчиком из детского сада.

На танцах вечером она сторонится других детей, хотя любит танцевать. Ее брат не понимает, как можно не танцевать, если играет хорошая музыка.

– Давай, Ваня, давай, – равнодушно говорит она ему, – иди, танцуй. За все заплачено.

Только когда дети повторяют за взрослыми их фразы, понимаешь, насколько эти фразы тупые.

– Маша, – говорю я ей по телефону, – ты же любишь танцы. И не притворяйся, что они тебе безразличны. Ты весь год мечтала о них. Помнишь, сколько раз ты заставляла меня рассказывать тебе, как мы из Москвы приезжаем на море и сразу идем на танцы?

– Помню, – говорит она. – Мало.

– Да, зато каждый день. И почему же ты теперь стоишь в сторонке?

– Папа, – тихо говорит она, – я тебе скажу, только пусть мама выйдет из комнаты.

– Ну пусть.

– Папа, она не хочет.

– Я не могу оставить их двоих в номере, – сразу говорит мне жена. – И не проси.

Это ревность. Все равно ведь придется. Когда она выходит, Маша, решившись, говорит:

– Папа, это же измена! Ты что, не понимаешь?

– И кому ты изменяешь, Маша?

– Васе. Принцесса Аврора не сделала бы этого.

– Хочешь, я спрошу разрешения у Васи? Вася ведь остался в Москве.

– Спроси, папа! Пожалуйста!

На следующий день я сказал ей, что Вася не против. Вечером она танцевала буквально до изнеможения.

Вопрос: должен ли был я на самом деле поговорить с Васей? А если бы он не разрешил?

«Разве не с кем поболтать на небе?»

Маша шла берегом моря. Ее зимняя мечта исполнилась месяц назад. Вот уже месяц она с братом и мамой живет здесь. Хорошо ли ей? Да. Вот идет она берегом моря и видит смуглого мужчину лет 35. Он останавливается, здоровается с ней и гладит по голове.

– Кто это, Маша? – спрашиваю я ее, когда он нехотя отходит от нее и идет не спеша дальше.

– Это мой друг, – отвечает она, пожав плечами.

– Друг? Маша, да ты его в первый раз видишь! – поражается мама.

– Ну и что? Он же со мной поздоровался, мама! – отвечает Маша.

Таким образом, ее другом становится всякий человек, который с ней поздоровался. Это логично. Так и должно, по идее, быть. Но так не бывает ведь никогда, мне казалось до тех пор, пока я неделю назад не присоединился к ним здесь.

Можно было бы все списать на ее детскую наивность. Но вот администратор ресторана подходит к нашему столу, смотрит на стул, где только что сидела моя дочь, и спрашивает меня:

– Где Марша?

Я пожимаю плечами. Она только что сидела здесь. Спросил бы он меня, где Ваня, и я бы точно ответил. Ваня ушел

еще 10 минут назад, и искать его надо в зале игровых автоматов. Он сидит в машине перед бесконечно повторяющейся на экране картинкой бьющихся спортивных автомобилей и бешено крутит руль. Он может крутить его час. Может два. И три тоже может. Никто просто не проверял, сколько он может крутить этот руль. Только не надо говорить, что мы оставляем ребенка без присмотра, чтобы самим спокойно поесть. Ваня и Маша находятся под постоянным пристальным наблюдением. Их провожают, взглядом и за руку, из ресторана и встречают с распростертыми объятиями в зале игровых автоматов. Там обижаются, если Ваня полдня не кажет к ним носа. Но это может означать только одно: что мы в этот день уехали кататься на яхте.

– Где Марша? – раздраженно повторяет администратор.

Я опять пожимаю плечами. А может, она уже на танцах.

– Марша – мой друг, – наставительно говорит администратор.

Можно было бы предположить, что просто у него работа такая в этом отеле, предназначенном для детей, а не для взрослых.

Но вот Маша сидит на гальке с итальянской девочкой и о чем-то болтает с ней. Но о чем она с ней может болтать? Я подхожу поближе: точно, ни о чем. Маша не знает итальянского, а девочка русского. И все-таки они не могут наговориться. Подходит отец итальянки и говорит мне по-английски:

– Они подружились, правда?

– Да, – говорю я. – Но о чем они говорят?

– Море, – отвечает он. – Парашют. Они говорят о парашюте.

Да, точно. Маша показывает рукой на парашют, который тащит на себе маленький катер. Известное развлечение.

– Папа, – говорит мне Маша, – я тоже хочу туда.

Она снова показывает на парашют, под которым болтается чье-то безжизненное, как представляется отсюда, тело. Я понимаю ее. Она тут везде уже была, кроме этого неба.

– Маша, – говорю я ей. – Там скучно, на небе.

– А почему? – задает она любимый свой вопрос.

– Ну видишь, под парашютом дяденька скучает. Он там один. Ему не с кем поговорить. Поболтать просто.

– Не с кем поболтать на небе? – после долгого молчания уточняет Маша.

– Не с кем, Маша, – с сожалением подтверждаю я и вдруг спохватываюсь. Но поздно.

– А бог? – уже спрашивает она.

– Что бог?

– Можно с богом поговорить.

А я ведь ей сам же только что рассказывал про бога. Рассказывал, когда мы ехали в автобусе. Она сидела во втором ряду и напевала какую-то песенку. Гид, сидевший впереди, незаметно подsunул ей микрофон, чтобы песню услышал весь автобус. Но Маша вовремя заметила этот маневр и

замолчала.

– Скажите ей, что если она сейчас споет, то будет звездой, – попросил меня гид по-английски.

Я сказал, неожиданно Маша запела: «Мамочка, милая мама моя, пусть эта песенка будет твоя...» Она спела ее всю, но, впрочем, торопилась поскорее закончить. Раздались аплодисменты.

– Все, папа? – спросила она меня.

– Что все? – переспросил я.

– Я теперь звезда?

– Да, – признал я. – Ты звезда!

– А что это значит?

– Что ты лучше всех.

– Лучше бога?

– Вряд ли. Но где-то близко.

– Да, – сказала она тогда. – Бог на небе. И звезда на небе. Это все уже было слишком сложно для меня.

«Это не смешно»

Дети вернулись с моря. Я думал, они расстроятся, увидев, что их здесь ждет. Я ошибся. Я вернулся в Москву раньше их на три дня. И я думал, что они похожи на меня. То есть вот они думают только о том, что приедут и опять с головой уйдут в эти непоправимые и бессмысленные московские хлопоты.

Но сходство между нами, к счастью, только внешнее. Они не поехали, как я, из аэропорта на одно производственное совещание, а потом на одну встречу, насчет которой было предположение, что она может изменить ход истории, и не заехали поздно ночью на работу, потому что надо было совершить несколько поступков с использованием Интернета, и не встретили там рассвет.

Они сели в машину. Был поздний вечер. Начался ливень. Я ждал их три часа, потому что самолет задерживался, и за это время заметно похолодало, градусов на пять-то точно. Маша посидела молча минуты три, оценивая сложившуюся обстановку, и спросила:

- Папа, а куда мы едем?
- Домой, Маша. Ведь у тебя есть дом.
- А-а, – сказала она. – А когда мы поедем обратно?
- На море?
- Нет, к Павлику.

– А Павлик где? – удивился я.

– Павлик на море, – согласилась она.

– А кто это?

– Мой жених, – сказала она.

– А с родителями ты не хочешь жить?

– Я буду приезжать к вам в гости.

Кто-то, может, и обрадовался бы, услышав эти слова. Но Маша произнесла их рано. Чтобы они прозвучали убедительно, ей надо прожить еще лет, мне кажется, двадцать.

– Маша, мы едем домой, – довольно резко сказал я. Она сразу почувствовала это.

– Папа, я приехала к тебе в гости, – твердо ответила она.

Такое было в первый раз.

– Папа, смотри, что мне подарили, – и она достала из рюкзака стеклянные бусы.

Может, она хотела отвлечь меня от мрачных мыслей.

– Маша, – спросил я, холодея от страшного предчувствия, – кто тебе это подарил?

– Один человек, – осторожно ответила она.

– Его зовут Павликом? – уточнил я.

– Да! Да! – захлопала она в ладоши.

– Его зовут Паоло, – поправила дочку мама. – И он работает барменом в отеле. Они подружились за этот месяц.

– Это мой жених, – не согласилась Маша.

– Это твой друг, – сказала ей мама. Маша неожиданно заплакала.

– Жених так жених, – пробормотал я.

– Мама! Папа говорит, что Павлик мой жених! – закричала дочь.

Маму труднее, чем меня, обвести вокруг пальца.

– Ты же сама говорила, что это твой друг. Приехали к папе, и ты говоришь, что он жених. Так кто он такой?

– Павлик, – вздохнула Маша.

Когда мы подъехали к дому, ее брат Ваня, молчавший всю дорогу, потому что спал, проснувшись и оглядевшись по сторонам, так же молча отказался выходить из машины. Он, наверное, думал, что вот он полетает на самолете, покатается на машине, потом поспит, а потом проснется в своем номере с видом на море. Он не рассчитывал, что за окном дождь. Он твердо покачал головой: никуда не пойду, даже не думайте.

И вот прошло уже несколько дней, а я до сих пор горжусь тем, что сел к нему на заднее сиденье и ждал, пока закончится дождь. Он оценил мое благородство и сам вышел из машины, когда дождь закончился.

Победил ли он меня? И вообще, что это было? Вот интересно, что делать в такой ситуации. Ну конечно, надо, кажется, брать его на руки и нести домой. И наверное, в обычной московской жизни я бы так и сделал. Он бы поорал какое-то время, а потом успокоился, и мы оба забыли бы про эту историю. Но я же соскучился.

Наутро Маша пришла ко мне и сказала:

– Папа! Я не хочу к Павлику. Я буду жить у тебя. Я засме-

ялся. Или это был стон?

– Папа, это не смешно, – сказала она. Я кивнул.

«Плевать нам на этого мента»

Я был в командировке в одном кавказском городе. Не так уж просто там было найти интернет-кафе. Но вот нашел. Каждый вечер я ходил туда. И один раз отвлекся на секунду, смотрю – со стола пропал мобильный телефон. Вокруг подростки, эти малолетние преступники со скучающими лицами. Играют в азартные компьютерные игры.

– Мальчики, – спрашиваю, – кто из вас украл мой мобильный телефон? Отдавайте, он мне очень нужен.

Они, конечно, очень удивились. Одна сердобольная женщина, которая зашла в это кафе разменять пятьсот рублей, вызвала милицию. Милиционер посмотрел на меня и спросил:

– Здесь у вас что?

– Интернет-кафе.

– Кафе? – переспросил он. – И много ты выпил сегодня? Не пил? Как не пил? Ну тогда иди в райотдел.

В райотдел идти не хотелось. Но он, во-первых, оказался близко, а во-вторых, мне очень нужен был телефон. Хотя я понимал, конечно, что я выбрал не лучший способ его найти. Меня долго никто не хотел слушать, потом вышел один парень и все выспросил про мою жизнь, буквально все. И только потом сказал, что шансов найти телефон практически никаких. А потом он говорит:

– А ты, журналист, из какой газеты?.. Как ты сказал?! «Коммерсант»? А ты Заура Фарниева знаешь?

– Конечно, – говорю. – Это же наш собкор в вашем городе.

– Меня Марат зовут, – сказал он. – И это не собкор, а мой лучший кент. Классный мой друг. Ну ладно, пойдем тогда.

По дороге со второго этажа на первый он забрал с собой еще трех сотрудников, а на улице – еще двух вместе с машиной. В интернет-кафе он сказал всем малолетним преступникам, что ему нужен мой телефон через пять минут. Я обратил его внимание на одного паренька, который с самого начала казался мне подозрительным из-за своего переломанного носа.

– Так, если не хотите колоться, то всех – в райотдел! А ты со мной.

Его товарищи загрузили часть компьютерных гениев в машину, а часть увели пешком в райотдел. Это были теперь, как я понял, заложники. А с главным подозреваемым он не спеша пошел по ночному городу. Минут через тридцать Марат подошел к райотделу. Он был один и очень расстроен. Он рассказал, что уже расколочил было паренька, но потом тот оказался наркоманом и убежал. Мы поднялись на второй этаж. Марат становился все мрачнее.

– Ну и сколько ты сможешь продержаться без телефона? – спросил он.

Я ответил, что нисколько.

– Ну ладно, – сказал он, – тогда держи.

И он вытащил из кармана мой телефон. Мне казалось, он счастлив больше меня. Хохоча, он рассказывал, что парень в конце концов сам сбегал в соседний двор за телефоном. Он там его кому-то уже отдал на сбыт.

– Так что и наша милиция что-то может, а? Не только плохое! – сказал он на прощанье.

Я сердечно поблагодарил его и вышел из райотдела в осеннюю ночь. В нескольких метрах от дверей меня ждала живописная группа малолетних преступников. Им было лет по 16–18. Это были те же плюс еще человека три, видимо, те, которым дали подержать мой телефон. Им, наверное, было обиднее всего.

– Нашелся телефон-то! – сказал я, сам подойдя к ним. Я решил, что надо первым наносить удар.

– Глупые вещи не говори, – перебил меня один, невысокого роста.

Мы пошли по улице. Они окружили меня плотным кольцом.

– А вы зачем телефон мой украли? – спросил я. Терять-то было нечего. А обрести, в случае удачного исхода разговора, я мог жизнь. Он помолчал и сказал:

– Тебе этого не понять.

– Не надо так больше делать.

– А что, он тебе очень нужен? – спросил уже он меня. – Да!

– Ну смотри, – продолжил он, предлагая подумать вместе. – Вот, допустим, тебя сейчас просто шлепнули, вот пря-

мо тут, на этом месте. Ты же это заслужил. Зачем ты к ментам пошел? Сказал бы нам, мы бы, может, и отдали. А ты пошел. Вот тебя, допустим, шлепнули. Скажи, нужен тебе тогда этот телефон?

Логика была убийственная.

– А знаешь, почему я тебе его отдал? – спросил он. – И почему тебя никто сейчас не тронет? Плевать нам на этого мента. Открой свой телефон. Мы так поняли, дочка твоя на фотографии на заставке? Красивая девочка. Как ее зовут? Маша? Привет ей передай.

«Ты что, заболел?»

Пока не холодно, мы решили сходить с детьми в зоопарк. Точнее, пока не холодно, надо идти с детьми в зоопарк. Ведь иначе надо будет идти с детьми в зоопарк, когда будет холодно. Окончательно проблема формулируется так: с детьми надо ходить в зоопарк, и уж лучше делать это, пока не холодно.

И главное, дети ведь тоже очень хорошо понимают, что взрослые должны ходить с ними в зоопарк. Не то чтобы они очень хотят в зоопарк. Ну кого они там не видели, в конце концов? За свою короткую бурную жизнь дети успевают на самом деле очень многое. Вот спросите их, есть ли звери, которых они не видели? Например, на картинках в книжках представлено дикое количество животных, которых можно рассматривать без боязни, что они тебя укусят. Или вот я ходил с дочерью в цирк, так там слон был такой пыльный и так громко пукал, что лучше бы она такого слона никогда в жизни и не встречала. В результате девочка потеряла веру в слонов. Разве это хорошо? А ведь про них стихи пишут, буквально поэмы сочиняют. А они, оказывается, пукают во всеуслышание.

Конечно, можно задаться вопросом: а кто вообще сказал, что с детьми надо ходить в зоопарк? Показали бы мне этого человека... В результате, обдумав все это, я не пошел с детьми в зоопарк. Я не смог найти ни одного аргумента, что-

бы заставить себя сделать это. Правда, Маша, чье четырехлетие уже не за горами, начала утро с того, что сразу напомнила мне про зоопарк.

– Папа, – спросила она, – ты идешь с нами в зоопарк?

То есть эта неглупая девочка сразу противопоставила меня этому небольшому сплоченному коллективу, состоящему из нее, ее маленького брата и их мамы. Наверняка она понимала, что мне не понравится это противопоставление и я захочу, чтобы она больше никогда так не говорила. А первый шаг для этого – пойти с ними в зоопарк.

– Маша, – спросил я, – а зачем я вам в зоопарке? Там что, больше не на что смотреть?

– Папа, так ты что, не пойдешь с нами? А куда ты пойдешь?

– Никуда, наверное, не пойду.

– Дома будешь сидеть? Ты что, заболел?

Что она имела в виду? Что человек в здравом уме и твердой памяти не может не пойти в зоопарк, если ему так за просто предлагают?

– Маша, я здоров как бык, – сказал я.

– А в зоопарке есть бык? – заинтересовалась Маша.

– Есть, – ответил я. – Попроси, и мама найдет тебе там быка.

На самом деле невозможно, конечно, объяснить, почему я с таким маниакальным упорством отказывался идти в зоопарк. Что и кому я хотел доказать? Хотел ли я пойти против

общественного мнения и уклада жизни горожан, по которому они с детьми ходят в зоопарк? В известной степени, конечно, хотел. Но не только это. Думая об этом, я пришел к выводу, что сопротивляюсь только потому, что мне навязывают уже готовые решения. Глупо ли это было? Глупее некуда. Достаточно сказать, что эти решения пытались навязать мне мои дети, которых я из-за бесконечных командировок давным-давно не видел.

– Ну ладно, папа, ты сиди дома, а мы пойдем в зоопарк, – сказала Маша.

То есть она опять хотела победить. Получалось, что это все-таки ее решение, а не мое. Но тут уж я не стал спорить. Это была бы уже совсем какая-то беспросветная глупость с моей стороны: взять и пойти теперь в зоопарк.

– Маша, – спросил я дочку на всякий случай, – а зачем ты идешь в зоопарк? Кого ты надеешься там увидеть?

– Жирафа, – быстро сказала она.

– Но ты ведь уже видела жирафа. Ты была в зоопарке. Это Ваня никогда не был, а ты была.

– Папа, я тогда была очень маленькая и ничего не помню, – сказала Маша.

Алена, моя жена, позвонила мне из зоопарка и все рассказала. В общем, только войдя в зоопарк, Маша сразу перечислила все, в чем прежде всего нуждалась:

– Сладкая вата, воздушный шарик с зайчиком, чипсы, мороженое, мыльные пузыри... И на аттракционы.

– А как же звери? – спросила ее мама. – Там же жираф!

– Позже, – коротко ответила Маша.

Она прекрасно понимала, нигде больше в одном месте и в одно время она не получит всего этого богатства. То есть она еще в первый раз прекрасно осознала истинное назначение зоопарка в жизни человека.

Только в этот момент я ее по-человечески и понял, и отдал ей должное. И значит, нет между нами трагического непонимания. А то – жираф какой-то.

«Меня лес уморил»

Маша и Ваня начали собираться за грибами с вечера. Маша хорошо понимала, насколько все серьезно. Надо ничего не забыть: надеть теплую куртку, сапоги, перчатки, взять любимую куклу – негра Тони, три дамских сумочки на шею, блеск для губ... Да мало ли каких совершенно необходимых мелочей надо не забыть взять с собой маленькой леди, как она себя называет, чтобы достойно выглядеть в лесу.

А как вы хотели? Вот возьмем, например, лес. Вы входите в лес. И что вы сразу делаете? В лучшем случае начинаете шумно дышать лесным воздухом впрок. В худшем – сами знаете. Маша, войдя в лес, сказала:

– Привет, лес!

И мне показалось, он ей ответил. Ветками качнул, что ли. Ну или там еще что. Не знаю, может, и ничего не ответил, конечно. Допускаю, что это вообще не мое дело. У меня с лесом другие отношения. Тоже, между прочим, не самые простые. Но какие-то налаженные, что ли. Сколько себя помню, столько я в лес и хожу. Лес отдает себе в этом отчет, я абсолютно уверен. Иначе в прошлом году я ни за что не нашел бы бумажник с паспортом. Я зашел тогда в лес, долго по нему ходил, а потом, когда вышел, понял, что где-то выронил паспорт и бумажник со всеми документами, которые только могут быть у человека. В лесу! Нагнулся и выронил.

Надо было найти это место, где я нагнулся. А я там постоянно нагибался, грибов-то было много. И вот я вернулся в лес и еще несколько часов, до темноты, искал там не грибы, а свой бумажник и паспорт. Это было совершенно безнадежное занятие. Нельзя же в глухом лесу найти свои документы. Но я нашел. Они так рядом и лежали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.